

УДК 93/94

DOI: 10.15393/j14.art.2020.145

Филимончик Светлана Николаевна

Петрозаводский государственный университет

Институт истории, политических и социальных наук

Доцент кафедры отечественной истории

Кандидат исторических наук

**Смотр рядов перед баталией:
Карельская областная организация ВКП(б)
в период «генеральной чистки», проверки и обмена партийных билетов
(1933—1936 гг.)**

Аннотация. На материалах партийной чистки, проверки и обмена партийных документов в Карелии рассмотрена технология выявления потенциально нелояльных, с точки зрения руководства партии, членов политической организации. В начале кампании искали классово чуждых по происхождению, затем с особым пристрастием выявляли бывших сторонников партийных оппозиций. В результате ужесточения контроля над социальным составом, общественной позицией, коммуникацией коммунистов численность парторганизации Карелии за 1933—1936 гг. сократилась вдвое. «Чистка» и обмен партийных документов способствовали формированию в обществе атмосферы подозрительности, нетерпимости и доносительства, благоприятной для перехода к массовым репрессиям 1937—1938 гг.

Ключевые слова: Партийная чистка; кадровая политика; оппозиция; репрессии; Карельский обком ВКП(б).

Начавшаяся в годы первой пятилетки форсированная индустриализация существенно изменила экономическую жизнь Карелии. Ускоренными темпами шло освоение лесных и минеральных богатств, началось развитие целлюлозно-бумажной промышленности, активизировалось промышленное использование гидроресурсов. Силами заключенных строился Беломорско-Балтийский канал, который обеспечивал выход страны в Мировой океан. Массовая коллективизация привела к созданию более крупного, коллективного производства в деревне. В 1926—1933 гг. численность населения Карелии выросла с 270 тыс. до 373 тыс. человек [28: 63]. Треть жителей Карельской АССР являлись выходцами из других регионов государства и частично из-за границы. В начале 1930-х гг. в Карелию добровольно переселились более шести тысяч североамериканских финнов.

Однако сложившаяся в начале 1930-х гг. модель индустриализации была внутренне противоречива. Сохранялись низкий уровень организации производства и недостаточная квалификация рабочих. Не получило должной государственной поддержки создание инфраструктуры промышленности, развитие отраслей, обеспечивавших нужды населения. В городах и промышленных центрах Карелии катастрофически не хватало жилья, скучным оставалось питание. Коллективизация сельского хозяйства проводилась преимущественно насильственными, чрезвычайными методами и привела к падению сельскохозяйственного производства. Стalinское руководство начало массовое использование принудительного труда для промышленного подъема Севера.

Форсированные преобразования в экономике неизбежно вели к укреплению авторитарного и централистского характера власти. Рычаги управления страной и регионами концентрировались в руках верхушки партийного аппарата. Она стремилась консолидировать правящую партию вокруг поставленных задач, подавить сопротивление новому курсу. Была продумана серия мероприятий, направленных на то, чтобы добиться безусловного выполнения на местах директив партийного руководства.

После прихода к власти Гитлера в 1933 г. СССР активизировал усилия для достижения антифашистского союза с западными державами. Стalinское руководство притормозило горячую пропаганду идей мировой революции и вообще приписало их опальному Троцкому. Большевики взяли на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делался на защиту geopolитических интересов России и укрепление патриотизма. Возросла подозрительность сталинского режима к так называемым представителям иностранных государств. В них видели проводников чуждых ценностей и интересов. Центральные власти усилили давление на широко вовлеченные в хозяйственные, управленческие, культурные сети Карелии политэмигрантов («красных финнов»), многие из которых занимали руководящие посты в республике.

Комплексный анализ политических действий, направленных на реализацию сталинского варианта преобразований, включает в себя характеристику отдельных общественно-политических кампаний, инициированных Центральным Комитетом Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б)) по итогам первой пятилетки и в середине 1930-х гг. Среди наиболее важных кампаний этого времени можно выделить «чистку» партии 1933 г., проверку и обмен партийных документов 1935—1936 гг. В работах И. А. Анфертьева [22], Е. Н. Гнатовской [23], Ю. А. Перебинос [27], О. В. Хлевнюка [29], А. С. Шевлякова [31], К. А. Юдина [32] эти кампании характеризуются не только в общегосударственном масштабе, но и на материалах отдельных регионов России, в том числе Дальнего Востока, Сибири, Верхнего Поволжья, Северной области. Партийная чистка, проверка и обмен партдокументов рассматриваются как часть кадровой политики 1930-х гг., направленной на усиление управляемости численно выросшей в начале индустриализации партией, её мобилизацию на выполнение поставленных политическими лидерами задач. Исследователи подчеркивают репрессивный характер этих кампаний, видят в них пролог массовых репрессий.

Перспективно предложенное западными историками рассмотрение этих кампаний на основе междисциплинарности, с использованием антропологических подходов. В книге Б. Штудера и Б. Уинфрида кампании 1930-х гг. характеризуются как определённые ритуалы, ставившие задачей изменить сознание, картину мира политических активистов [33].

Интересующая нас тема на материалах Карелии рассмотрена очень кратко. В исследованиях советского времени отмечалась важность общественно-политических кампаний 1933—1936 гг., высоко оценивались их итоги: «Чистка партии привела к укреплению единства ВКП(б),

улучшению социального состава, повышению политической сознательности и активности коммунистов» [34: 32]. При этом указывалось, что в ходе этих кампаний были допущены серьезные ошибки: сократилась численность коммунистов, допускались необоснованные обвинения их в потере классовой бдительности [26: 258, 267]. В обобщающей работе по истории Карелии, вышедшей в начале 2000-х гг., главной задачей чистки 1933 г. названа проверка коммунистов на верность «генеральной линии», а самой распространенной причиной исключения из партийных рядов — «чуждое социальное происхождение» [24: 484].

Изучить всесторонне эти кампании не представлялось возможным ввиду того, что многие источники оставались на секретном хранении. Сейчас ситуация изменилась. Целью данного исследования является в единстве и последовательно рассмотреть ход этих кампаний, показать тесную связь партийных чисток с изменениями политики центра в Карелии в середине 1930-х гг. Предстоит проанализировать влияние этих кампаний на партийную и общественную жизнь республики.

Основными источниками послужили недавно рассекреченные документы областного комитета (обкома) ВКП(б), хранящиеся в Национальном Архиве Республики Карелия (НАРК). В стенографических отчетах XII и XIII Карельских областных партийных конференций представлены итоговые суждения о результатах этих кампаний в республике. Отчёты и докладные записки секретарей райкомов содержат их промежуточные результаты. В целом дело-производственные документы партийных органов позволяют восстановить ход кампаний как в глубинке, так и на республиканском уровне.

Информация, представленная в отчетах, жёстко подгонялась под полученные из центра директивы, они постоянно цитировались, на них ссылались. В атмосфере нараставшей подозрительности составители этих документов настойчиво демонстрировали дисциплинированность и лояльность руководству. Отчеты сопровождались многочисленными статистическими таблицами, материал которых обильно приводился в тексте. При сборе статистических данных допускались погрешности, проводился переучёт, однако в ряде случаев на допущенные неточности указывалось в более поздних документах. Использованные спецзаписки руководства спецслужб республики показывают тесное взаимодействие в ходе изучаемых кампаний партийных органов и НКВД.

В работе применялись общенаучные методы, в том числе анализ, синтез, классификация, а также использовались специально-исторические методы: проблемно-хронологический и сравнительно-исторический.

За годы первой пятилетки партийная организация Карелии выросла более чем в три раза, в основном за счет крестьян-бедняков, активно поддержавших колхозификацию, рабочих-ударников, многие из которых были недавними выходцами из деревни. Охотно и быстро, порой в обход требований устава, принимали в ВКП(б) прибывших из-за рубежа финнов, являвшихся на родине членами социал-демократических партий [10: 85]. На 1 января 1933 г. в составе областной партийной организации насчитывалось 15377 человек: 8625 членов партии и 6752 кандидата в члены ВКП(б) [34: 35].

С 1933 г. приём в партию был остановлен. Началась «генеральная чистка». На январском объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) была поставлена задача — обеспечить в партии железную дисциплину и очиститься от ненадежных [21: 32]. В Карелии на подготовку к «чистке» ушла первая половина 1933 г. На местах коммунисты проводили самоотчёты, основное внимание в них должно было уделяться работе на производстве: выполнению плана, участию в соцсоревновании, подписке на займы. Секретари ячеек писали характеристики на каждого

коммуниста. Правда, комиссии позднее сетовали, что этими характеристиками редко приходилось пользоваться, так как они были составлены или шаблонно, штампованны, или слишком осторожно, включали в основном положительные моменты. Организаторы кампании поощряли выявление негатива, разоблачения, часто надуманные. Отсюда противоречивость отдельных характеристик. Так, о работнице Сорокского лесозавода Б. писали, что она очень активная коммунистка, но тут же замечали — «не выявила кулаков, которых знала». А в Пряжинском леспромхозе повесили ящик для сбора компромата на коммунистов, правда, вскоре из-за недовольства рабочих убрали [2: 3].

Руководила «чисткой» областная контрольная комиссия, назначенная Ленинградским обкомом партии (с 1928 г. он курировал партийную организацию Карелии). Председателем Карельской областной комиссии по «чистке» стал Павел Иванович Бушуев, секретарь Московского райкома ВКП(б) в Ленинграде, член партии с 1911 г. «Закаленный в боях, крепкий, испытанный большевик» — так представляла Бушуева коммунистам Карелии республиканская газета [16]. Полгода работы в Карелии для этого партийца не остались рядовым эпизодом служебной карьеры. В 1935 г. после отставки Председателя Совета народных комиссаров (СНК) Э. А. Гюллинга Бушуев будет назначен главой правительства Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР). В 1937 г. его арестуют в Карелии как «врага народа». Репрессированы в годы «ежовщины» будут ещё два члена областной комиссии по «чистке» — председатель Карельской областной контрольной комиссии ВКП(б) К. М. Полин и секретарь Карельского обкома партии И. Петров.

Для проведения «чистки» были также созданы районные комиссии. Сельские ячейки были разбросаны по району, могли находиться от райцентра на расстоянии 200—250 км, поэтому для проведения кампании районной комиссии требовалось немало времени и сил. В некоторых низовых партийных организациях создавались свои комиссии по чистке, однако местных работников для формирования таких комиссий не хватало, а массово присылать коммунистов из Ленинграда для работы председателями комиссий было нереально. Тем более, что в значительном количестве ячеек проверку проводили на двух языках — финском и русском [2: 42]. Всего в Карелии для проведения «чистки» было создано 63 проверочных комиссии, в них было занято 189 человек. Среди проверяющих 27% составляли финны, 7% — карелы. Большинство членов комиссии (66%) вступили в партию в годы революции и Гражданской войны [1: 3].

1 июля 1933 г. в Летнем театре машиностроителей в Петрозаводске состоялось собрание областного и городского актива. На нём с речами о задачах «чистки» выступили председатель областной комиссии П. И. Бушуев и ответственный секретарь Карельского обкома партии Г. Ровио. Ровио подчеркнул, что Карелия — национальная и пограничная республика, а финская буржуазия мечтает захватить её, направляет сюда своих агентов. Не без помощи извне, — утверждал он, — кулаки организовали зимой прошлого года саботаж на лесозаготовках. Нужно изгнать из партии тех, кто вольно или невольно помогал кулацкому саботажу, кто потерял классовую зоркость, — призвал оратор [16].

«Чистка» проходила на открытых партийных собраниях, куда приглашались также беспартийные, особенно комсомольцы. Сначала собрание заслушивало доклады о задачах проверки и отчёт ячейки о работе. После этого обсуждению подвергался каждый коммунист: сначала зачитывали его характеристику, затем переходили к вопросам. В среднем проверяемому члену партии задавали по 12—13 вопросов, которые можно разделить на несколько групп.

Часто задавали вопросы по Уставу партии (например, о чём говорится в п. 4 Устава?), об истории партии (например, когда был VII съезд партии?). Хотя в преддверии «чистки» были

спешно организованы политзанятия, беседы с агитаторами, выявились очень слабая информированность рядовых коммунистов об общественно-политической жизни страны. Отмечены случаи, когда коммунисты не знали, какие республики входят в состав СССР, как называется партия, в которой они состоят. По итогам чистки были сделаны выводы о настоятельной необходимости развернуть в Карелии широкую сеть политучебы.

Вторую группу составляли вопросы о выполнении партийных поручений и о работе коммунистов на производстве. Под огнём критики оказался так называемый «балласт» — не выполнившие партийных поручений, не платившие членские взносы, искавшие в пребывании в партии исключительно личную выгоду. В Карелии за пассивность исключили 605 коммунистов. В свою очередь, «чистка» дала возможность выделить производственный и общественный актив. Так, на Сорокском лесозаводе успешно прошёл проверку Агарт Карлович Холстрем, швед, прибывший в Советскую Россию в 1923 г. Пять лет он работал чернорабочим, печником, каменщиком. В 1930 г. был направлен переводчиком к представителю шведской фирмы, монтирувшему на лесозаводе новую турбину. Холстрем всему обучился у шведского техника, досконально разобрался в устройстве механизмов, и через год стал машинистом этой турбины. За рационализаторские предложения Холстрем девять раз был премирован. На вопрос комиссии о главной задаче второй пятилетки он уверенно отвечал: «Освоить технику, бороться за качество» [17].

Однако в ходе «чистки» перед комиссией нередко разворачивалась весьма неприглядная картина производственной жизни трудовых коллективов. В рабочих поселках остро стояла проблема продовольственного снабжения. Так, на Сунском лесозаводе был исключён из партии председатель правления закрытого рабочего кооператива (ЗРК), где систематически разворачивались продукты, а перед собранием здание ЗРК пытались поджечь [6: 84]. На селе исключали из партии председателей сельсоветов, руководителей отстающих колхозов. Так, в Туксе исключили из партии коммунистов, не обеспечивших руководства производственной деятельностью колхоза «Искра». Колхоз не справился с сеноуборкой, из-за нехватки кормов пало 12 телят, а удои коров составляли 1,5—2 литра в сутки. Исключения из партии в таких случаях широко освещала печать. «За всеми этими недостатками и безобразиями, — сообщала газета, — скрывается классовый враг» [18]. Исключая из партии тех, кто отвечал за самые слабые, провальные участки работы, вину за неудачи колхозного строительства, плохую организацию производства и быта в городских поселениях очередной раз списывали на стрелочников. Невыполнение государственных заданий и планов относили к нарушениям партийной дисциплины. По этой причине были исключены из партии 563 человека.

Особую группу составляли вопросы о биографии и частной жизни. Обязательно спрашивали о том, имеет ли партиец связь с «чуждым элементом» или какие-либо политические колебания. Председатель Сямозерского сельсовета был исключён из партии и отдан под суд за срыв мобилизации средств. По мнению республиканской газеты, «чистка» показала почему в деревне плохо собирали деньги на индустриализацию: просто председатель сельсовета в годы Гражданской войны дезертировал из Красной армии и перебежал к белым [19]. Важной задачей «чистки» было выявление «чуждых элементов». За сомнительное с точки зрения теории классовой борьбы социальное происхождение или связь с социально чуждыми исключили 491 человека [6: 35].

Вопрос о том, на чьей стороне находился проверяемый в годы Гражданской войны, оказался самым частым. В ходе «чистки» 1933 г. очередной раз были выявлены и взяты на учёт те, кто добровольно или по мобилизации участвовал в белом движении, кто бежал в Финляндию под натиском Красной Армии в конце Гражданской войны («карбаженцы»). На Севере Каре-

лии, в Заонежье, в пограничных районах довольно много граждан воевали в армии генерала Миллера, участвовали в крестьянских восстаниях против политики «военного коммунизма». Так, о жителях деревни Волкостров проверяющая комиссия высказалась так: «Почти вся деревня в 1919 г. партизанила, и влияние этих белых партизан до сих пор значительное» [6: 5]. В Заонежском районе из партии было исключено 27% коммунистов. После «чистки» некоторые ячейки и кандидатские группы были фактически распущены. Так, в деревне Яндомозеро, где до проверки в ячейку входило десять человек, семеро во время «чистки» были исключены, один переведен в сочувствующие, а оставшиеся двое на собрание просто не явились [6: 7]. В Кондопожском районе из партии исключили 18,5%, при этом в деревнях — 32%. Главной причиной массовых исключений являлось участие в антисоветском движении в годы Гражданской войны.

После того, как коммунист ответил на вопросы, присутствовавшие должны были высказать о нём своё мнение. На этом этапе «чистки» не всегда всё шло гладко. В деревне Кажме в первый раз вообще сорвали собрание, не явившись, на второе собрание жители пришли, но все молчали, пришлось собрание закрыть, и только с третьей попытки в Кажме смогли провести «чистку». Колхозники объясняли свою пассивность так: «Комиссия уедет, а нам здесь жить» [3: 3]. В Кузаранде председатель колхоза «Трудовое поле» подготовился к «чистке» — привёл на собрание свою «группу поддержки». И когда партторг критически оценил его работу, с задних рядов бойкие женщины устроили крик: «Он хороший парень, старается для колхоза, зря вы его зажимаете». Потом колхозницы разошлись по домам, не дождавшись конца собрания. А председателя всё равно исключили [6: 6].

Окончательное решение о том, прошёл ли коммунист «чистку», принималось на заседании проверочной комиссии [14: 203]. Всего в Карелии выдержали проверку 12340 человек: 7779 членов ВКП(б) и 4561 кандидат. Остальные члены партии не прошли «чистку» по уважительным причинам или просто на неё не явились. В ходе «чистки» из партии было исключено 2512 человек (20,3%). Среди исключённых 1288 членов партии и 1224 кандидатов — 935 человек были переведены из членов партии в кандидаты, в сочувствующие перешли 189 членов партии и 710 кандидатов [1: 139]. Если в ходе чистки 1929 г. из партии было исключено 10%, то во время чистки 1933 г. — в два раза больше [4: 35; 10: 85; 13: 15]. Последующие апелляции уменьшили численность исключённых, но незначительно.

«Чистка» 1933 г. плавно перешла в проверку и обмен партийных документов образца 1926 г. на партбилеты выпуска 1934 г. Проверку партийных документов инициировали после убийства С. М. Кирова. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. сообщалось, что преступник проник в Смольный по фальшивому партбилету. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 г. извещало региональные организации о начале кампании проверки партийных документов [27: 110]. Обсудив это письмо, бюро Карельского обкома партии приняло решение провести проверку партдокументов в течение месяца — с 15 июня по 20 июля 1935 г.

Поначалу считали, что главная задача этой кампании — выявить ошибки в оформлении документов, привести в порядок делопроизводство. В это время исключения из партии были единичными. Однако вскоре руководство партии призвало основное внимание в ходе кампании уделить личности коммуниста. По сути, обмен партбилетов стал новой чисткой ВКП(б), поскольку ставилась задача «полного разоблачения и изгнания из рядов партии лиц, обманутых путем пробравшихся в неё» [6: 6]. Фактически кампания растянулась до осени 1936 г. Только по её завершении возобновился приём в партию.

Результаты проверки утверждало бюро райкома, документы пристрастно проверял обком партии. Секретарь Сорокского райкома В. К. Саккеус вспоминал, что в первый раз у него до-

кументы в обкоме не приняли. Как оказалось, исключили мало — только 15%. «Я начал проводить проверку вторично, — рассказал он, — находил сомнительных, находил какую-либо придиরку, и на бюро исключали». Когда Саккеус во второй раз привёз документы в обком, их снова не приняли. Не удалось сдать документы и после третьей проверки. Тогда секретарь райкома решил больше проверку не проводить, а просто перепечатал те же акты, хотя на всякий случай подготовил список на новые исключения. В четвёртый раз документы, наконец, приняли. В. К. Саккеус отметил: «В число исключённых попадали некоторые активные работники за то, что имели служебную связь (от них не зависящую) с кем-либо из ранее исключённых или репрессированных, или за то, что ещё подростками оказались на оккупированной территории во время интервенции и т. д.» [15: 4]. Так же, как в 1933 г., в ходе новой кампании изобличали «классово чуждых», «враждебные элементы». Среди исключённых из партии они составили более половины (54,4%).

В то же время при проведении этой кампании в Карелии появились новые смысловые акценты. Летом 1935 г. работу областной партийной организации проверяла комиссия ЦК ВКП(б). В августе 1935 г. Пленум Карельского обкома ВКП(б) за «политические ошибки в национальном вопросе и крупнейшие недостатки в практической работе» [20] освободил от работы Г. Ровио. Первым секретарем Карельского обкома ВКП(б) был избран Петр Андреевич Ирклис, занимавший в 1932—1935 гг. пост третьего секретаря Ленинградского обкома ВКП(б). В сентябре 1935 г., на V Пленуме Карельского обкома ВКП(б), огласили решения бюро Ленинградского обкома партии о работе партийной организации Карелии. Руководство областной парторганизации было обвинено в том, что оно «заражено националистическим душком буржуазной Финляндии». В условиях усиления государственно-охранительных тенденций центральные власти усилили давление на финских иммигрантов в Карелии. Утверждалось, что, прибыв из-за границы, финны привезли с собой сформированную в недрах буржуазного общества национальную ограниченность, с которой следовало вести непримиримую борьбу.

Во время проверки партдокументов в Карелии 10% к общему числу исключённых из партии составили «националисты». Причиной обвинений в национализме руководителей производств становился приём на работу преимущественно финнов, создание для них лучших бытовых условий. «Националистов» выявляли среди работников вузов, школ, культурно-просветительных учреждений, издательств, редакций газет и журналов. Таким путем заменялась когорта служащих и управленицев, активно участвовавших в идеологической работе с населением.

1935—1936 гг. прошли в приграничной Карелии под знаком шпиономании. Ущемление прав граждан оправдывали необходимостью усилить безопасность тыла на случай грядущей войны. В пограничных районах финские спецслужбы для разведки использовали бывших жителей республики, ушедших по разным причинам в Финляндию [25: 92]. В приграничье нередко родственники и земляки принимали в своём доме перешедших границу карелов и сообщали об их приходе в органы НКВД лишь тогда, когда визитёры уже покинули территорию республики [8: 40].

Власти стремились усилить контроль над оперативной обстановкой, расширяя репрессии. В 1935 г. из пограничной полосы Карелии, из родных мест, выселили «классово чуждых» [30: 28]. В шпионской деятельности обвинили 7,3% исключённых из партии во время проверки партдокументов. Особенно часто в шпионаже обвиняли коммунистов в пограничных районах (в Олонецком — 33%, в Ругозерском — 17% от общего числа исключённых). При выявлении таких случаев партийные органы тесно взаимодействовали с органами НКВД.

В городских поселениях «шпионов» искали, прежде всего, на предприятиях, где работали финны, прибывшие из-за границы. На Кондопожском бумкомбинате, в Петростройтресте в работе на иностранные государства обвинили ряд рабочих. Ответ на вопрос, почему рабочие (передовой класс) оказались шпионами, был прост: «Шпионскую деятельность легче маскировать под рабочей блузой» [6: 17].

Под подозрением оказались участники групп содействия финской компартии. Они были созданы по инициативе уполномоченных сотрудников Коминтерна и работников Карельского обкома партии. Группы изучали историю рабочего движения и классовой борьбы в Финляндии, торжественно отмечали годовщины Финляндской революции 1918 г., участвовали в акциях протеста против суда над Тойво Антикайненом, проводили сбор средств для поддержки компартии Финляндии. В отличие от Международной организации помощи борцам революции (МОПР), входили в эти группы только финны, в основном прибывшие из-за границы, и свою работу они не афишировали [9: 10].

В 1933—1934 гг. казалось, что внутрипартийная борьба 1920-х гг. стала уже достоянием истории. Лидеры ленинградской оппозиции, в своё время предлагавшие сместь Сталина с поста генсека, были восстановлены в партии, получили достойную работу, а Троцкий, резко выступавший против курса Сталина, был уже выслан из СССР. Однако после убийства Кирова стала муссироваться идея преступных заговоров троцкистов и зиновьевцев, всё громче звучали призывы изгнать их из партии.

В 1935 г. бывшие сторонники оппозиций внутри ВКП(б) составили среди исключённых из партии в Карелии 2%. Их искали, прежде всего, в производственных коллективах среди прибывших на работу из Ленинграда. Так, в Кемском районе на лесозаводе № 1 выявили группу лиц, которые в 1927 г. на партсобраниях голосовали против исключения Троцкого из партии или хотя бы в частных беседах, в домашней обстановке, высказывались в поддержку Троцкого. После XV съезда ВКП(б) эти партийцы публично покаялись, но тем не менее, как считалось, «молчаливо продолжали вести свое антипартийное дело». Даже их отъезд из Карелии в Ленинград, по мнению проверяющих, ничего не изменил, ведь письменную связь с Карелией они поддерживали [6: 20]. Несколько десятков граждан, никогда не входивших в троцкистские группы, НКВД арестовал просто за то, что они якобы «всеми фибрами души» поддерживали троцкистов [11: 73].

Расследовала дела о бывших участниках оппозиций 1920-х гг. специальная комиссия, в которую входили представители обкома и Народного Комиссариата Внутренних дел (НКВД). Она тщательно проверяла работников советов, наркоматов, в том числе НКВД, руководителей хозяйственных организаций: как они выступали, голосовали на партийных собраниях, какие работы читали, какие «платформы» подписывали в 1923—1929 гг. Если выявлялось хотя бы минимальное сочувствие коммунисту к оппозиционерам 1920-х гг., комиссия чаще всего исключала его из партии [5:65].

Кампанию обмена партийных документов строго контролировал НКВД. В её ходе было арестовано 146 коммунистов. В отчёте о проверке партийных документов в Ругозерском районе приведены характеристики исключённых из партии жителей района. Типичной фразой, завершающей характеристику, является: «Исключен из партии, материал передан в НКВД» [7: 12].

Во время «чистки» 1933 г. было исключено 2,5 тысячи человек, во время обмена партдокументов — ещё 1,7 тысяч членов партии. Чаще всего исключали в Заонежье (28,3%), в Сорокском (28,7%), Сегозерском (29,2%), Кемском (23,4%), Пряжинском (23,2%) районах. В итоге за 1933—1936 гг. численность коммунистов в Карелии сократилась вдвое. Если во время

чистки 1933 г. исключались в основном вступившие в партию в начале 1930-х гг., то в 1935 г. существенно увеличилось среди исключенных число лиц, вступивших в партию в годы Гражданской войны (почти в три раза) и в годы нэпа (в два раза). Резко выросла среди исключённых доля финнов: в 1933 г. она составляла 8%, в 1935 г. — 29% [6: 34]. Исключённых из партии государство сразу переводило в разряд неблагонадежных граждан.

На 1 августа 1937 г. в Карелии на учёте в четвёртом отделе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД состояло 2110 бывших членов ВКП(б): 265 в Петрозаводске и 1845 в районах [12: 1]. Тем не менее, было заявлено, что во время обмена партийных документов были допущены ошибки — «прозевали» националистов и оппозиционеров.

«Чистка», проверка и обмен партийных документов явились масштабными общественно-политическими кампаниями, охватившими всю страну. Они способствовали мобилизации коммунистов в поддержку курса правящей верхушки, помогали обеспечить лояльность общественных активистов к форсированной индустриализации, изменениям государственной идеологии, национальной политики в регионах. Трудности и противоречия форсированной индустриализации объяснялись происками классовых врагов — кулаков, белогвардейцев. Для объяснения изменений политического курса в условиях приграничья активно использовался тезис об опасности шпионажа. Во время этих кампаний стали вновь преследоваться члены партии, кто в 1920-е гг. хоть как-то выразил поддержку оппозиции. Кампании способствовали формированию в обществе атмосферы страха, подозрительности, нетерпимости и доносительства. В ходе этих акций существенно выросли полномочия НКВД и его информационная база. В данных условиях во второй половине 1937 г. начал раскручиваться самый тяжёлый виток массовых репрессий.

Источники и литература:

1. Национальный Архив Республики Карелия (НАРК) — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 89.
2. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 90.
3. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 91.
4. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 128.
5. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 304.
6. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 311.
7. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 312.
8. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 313.
9. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 315.
10. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 4. — Д. 203.
11. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 4. — Д. 205.
12. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 5. — Д. 94.
13. НАРК. — Ф. 3. — Оп. 5. — Д. 220.
14. НАРК. — Ф. 1230. — Оп. 3. — Д. 16.
15. НАРК. — Ф. 3414. — Оп. 1. — Д. 1/4.
16. Красная Карелия. — 1933. — 2 июля.
17. Красная Карелия. — 1933. — 11 сентября.
18. Красная Карелия. — 1933. — 2 октября.
19. Красная Карелия. — 1933. — 22 октября.
20. Красная Карелия. — 1935. — 5 октября.

21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9 изд., испр. и доп. — Москва, 1985. — Т. 7. — 576 с.
22. *Анфертьев И. А.* Политическая биография правящей РКП(б) — ВКП(б) в 1920—1930-е годы. Критический анализ / И. А. Анфертьев. — Москва: ИНФРА-М, 2019. — 323 с.
23. *Гнатовская Е. Н.* Партийные чистки железнодорожников на Дальнем Востоке в 1930-е гг. / Е. Н. Гнатовская // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3. С. 91—97.
24. История Карелии с древнейших времен до наших дней. — Петрозаводск: Периодика, 2001. — 943 с.
25. Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. — Петрозаводск: Скандинавия, 2008. — 432 с.
26. Очерки истории Карельской организации КПСС. — Петрозаводск: Карелия, 1974. — 589 с.
27. *Перебинос Ю. А.* Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) / Ю. А. Перебинос // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. — Вологда, 2014. — С. 103—115.
28. *Покровская И. П.* Население Карелии / И. П. Покровская. — Петрозаводск: Карелия, 1978. — 192 с.
29. *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. — Москва: РОССПЭН, 2010. — 478 с.
30. *Чухин И.* Карелия-1937: идеология и практика террора / И. Чухин. — Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. — 160 с.
31. *Шевляков А. С.* Партийная чистка сельских организаций ВКП (б) Сибири (1933—1935 гг.) / А. С. Шевляков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 101—105.
32. *Юдин К. А.* Кампания по проверке и обмену партийных документов как отражение политических технологий сталинского режима на территории Верхневолжского региона в 1935—1936 годах / К. А. Юдин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2017. — Т. 22. — № 1. — С. 112—123.
33. *Штудер Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурса в Советском Союзе 1930-х гг. / Б. Штудер, Б. Уинфрид. — Москва: РОССПЭН, 2011. — 247 с.
34. Карельская организация КПСС в цифрах 1921—1984. — Петрозаводск: Карелия, 1985. — 150 с.

Svetlana Philimonchik

Petrozavodsk State University
 Institute of History, Political and Social Sciences
 Associate Professor of the Native History Department
 PhD in History

Reviewing the troops before the battle: Karelian regional branch of the All-Union Communist Party of Bolsheviks during the period of the «general purge», identity checks and replacement of the party membership cards (1933—1936)

Abstract: Using the materials on the Communist Party purge, identity checks and party cards replacement in Karelia, the author studies the methods of identifying potentially disloyal members of a political organization from the point of view of the party leadership. At the beginning of the

campaign, they searched for alien or impure elements by class origin, and then made a particular effort to identify the former supporters of the Party opposition. Between 1933 and 1936, the number of the Communist Party members in Karelia decreased by half as a result of the tighter control over the communists' social composition, social position, and communication. The "purge" and the replacement of the party membership documents bred the atmosphere of suspicion, mistrust and intolerance in society, and encouraged denunciations. All this created enabling conditions for the transition to the mass repressions of 1937 and 1938.

Key words: Party purge; personnel policy; opposition; repression; Karelian Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks